

Модуль 5 Диалектного словообразование .

Лекция 9

Тема : Диалектное словообразование. Лексика русских говоров.

План:

1. Основные признаки диалектного слова.
- 2 Характер и типы лексических диалектных различий.
3. Лексика как система.

1.Лексика. Основные признаки диалектного слова

Что такое диалектное слово, каковы его отличия от других слов, входящих в лексический состав языка? На первый взгляд этот вопрос как будто не заключает в себе никаких трудностей: диалектизм — это слово, свойственное только местной народной речи. Так диалектное слово издавна понималось как в русской, так и в зарубежной лингвистической литературе. Такое понимание приблизительно верно, но является общим, расплывчатым, в него можно вкладывать различное содержание. Распространена тенденция относить к диалектным слова, которые обозначают специфические явления старой крестьянской жизни или местной природы, не свойственные городскому укладу жизни. Конечно, носителем диалектной речи является главным образом (хотя отнюдь не исключительно) сельское население, но ведь из этого вовсе не вытекает, что лексика, употреблявшаяся и употребляемая крестьянами является сплошь диалектной. Как известно, основа лексики носителей говоров является общенародной, и лишь часть этой лексики имеет локальное распространение.

Смешение распространения слова и распространения реалии, им обозначаемой, во всех отношениях неправомерно. Реалия может быть необщераспространенной или даже узколокальной, но слово, обозначающее эту реалию, может в пределах языка не иметь изоглоссы, т. е. быть общенародным, а не диалектным. Многие явления природного ландшафта,

растения, животные и т. д. известны только в определенных областях, а принадлежность их названий к лексике литературного языка ни у кого не вызывает сомнений (сравним, например, **сиг, черника, степь** и т. п.).

Точно такое же место занимают в русском языке многие названия особенностей старого крестьянского быта: **лапти, онучи, соха, цеп** и т. п. Для того чтобы доказать, что слова типа **зипун, посконь, коврига, огрех, закута** являются не общенародными, а диалектными, признак их принадлежности к лексике, обозначающей крестьянский быт, совершенно непригоден. Решающим признаком принадлежности слова к диалектной лексике является локальная ограниченность его употребления, т. е. наличие у слова изоглоссы в пределах территории, которую занимает язык. Как известно, этот признак характеризует и любое другое диалектное явление. К какому бы пласту лексики (просторечному, архаическому, специальному и т. п.) слово ни относилось, но если оно не имеет изоглоссы, оно не является диалектным. Диалектных слов общерусского распространения и употребления не существует. Однако это определение диалектного слова не является полным, поскольку оно не учитывает отношения слов, имеющих изоглоссы в народных говорах, к лексике литературного языка в ее теперешнем состоянии.

Итак, диалектным словом является слово, имеющее локальное распространение и в то же время не входящее в словарный состав литературного языка (в любую его разновидность). Диалектные слова в диалектной речи и в литературном языке имеют неодинаковые функции. Для носителей говора диалектное слово является нормальным и обычно не отличается от общенародного слова, т. е. с точки зрения носителей говора диалектизм не существует. В литературном языке диалектное слово является или чужеродным элементом, не несущим никакой стилистической нагрузки, или сознательно используется для каких-либо стилистических и иных целей. Однако с какой бы позиции ни рассматривать диалектное слово,

оно всегда должно иметь указанный выше объективный, данный в самом языке, признак. Слово **вода** является безусловно общенародным (в том числе литературным) словом для всех говорящих на русском языке. Слово **ржать** также несомненно является словом литературного языка, хотя оно и имеет изоглоссу в диалектной речи. Носителями говоров, в которых это слово употребляется, оно также не осознается как диалектизм. Слово **кволый** — несомненный диалектизм для всех говорящих на литературном языке, независимо от того, сознательно или без всякой цели употребляет его писатель или любое лицо.

Диалектизм — категория не только географическая, но и стилистическая. В принципе не может быть различных определений диалектного слова, как и любого диалектного явления (если чужеродность его для литературного языка и наличие у него изоглоссы установлены правильно). Иными словами, диалектизм может иметь различные функции, но он остается самим собой при любых условиях. Что касается слов (и иных особенностей) литературного языка, имеющих в диалектной речи изоглоссы, то эти слова (и явления) могут быть (но не обязательно) диалектизмами только по своему происхождению, но не по употреблению.

Известно, что в истории лексики положение многих слов изменялось: общеупотребительные слова становились диалектными, специальными, архаичными и т. п., а диалектные слова завоевывали право литературного гражданства. Диалектизмы — исторически изменчивая категория. На протяжении XIX—XX вв. некоторые из них потеряли свою диалектную ограниченность и вошли в состав литературной лексики (**стерня, тербить лён, окот овец, пурга, тундра, каюр** и др.). Определение границы диалектного слова, т. е. границы между диалектными словами и различными пластами лексики литературного языка вызывает определённую сложность, поскольку границы самого литературного языка во многом являются неясными, неопределёнными (по самой своей сущности). Принципиальное

различие между диалектными и разговорно-просторечными словами представляется довольно очевидным. Разговорно-просторечные слова входят в состав общенародной лексики и не имеют на территории распространения языка изоглосс. Разговорно-просторечная лексика входит в словарный состав литературного языка как один из его важнейших стилистических пластов. Это лексика общерусского характера. Каждый владеющий литературным языком если и не употребляет в своей речи того или иного разговорно-просторечного слова, то, во всяком случае знает его и может употреблять, чего нельзя сказать о массе диалектных слов, которые всегда стоят за пределами литературной лексики, являясь в ней своеобразными вкраплениями (когда по тем или иным причинам диалектное слово все же употребляется в литературной речи). Отграничение многих разговорно-просторечных слов от диалектных не вызывает никаких затруднений. Сравним, например, **мальчонка, барахло, харчишки, парнишка, деньжата, одежонка, малость, никудышный, нисколечко, бахнуть, садануть, шнырять, чертыхаться, налимониться** и т. п.

В некоторых группах слов граница между просторечием и диалектной речью колеблется, является неясной, расплывчатой. Это относится к словам, которые начинают входить в общенародный словарный состав из диалектной лексики, но еще не закрепились в нем. В подобных случаях вопрос о включении слова в диалектологический словарь или исключении из него должен решаться в каждом отдельном случае с опорой на материалы картотеки, на массовые показания диалектных записей (в общерусском масштабе) и литературных источников. Именно эти материалы (а не стилистические пометы современных словарей) должны приводить к более или менее объективным оценкам слова. Очень серьезным является вопрос об отграничении диалектной лексики от специальной терминологии (термины местных ремесел и промыслов), весьма богатой и разнообразной. Специальная терминология по своему составу неоднородна. Одна ее часть

входит в состав общерусских специальных терминов и к диалектам не имеет отношения, другая часть употребляется только в определенных местностях, т. е. имеет изоглоссы и является чужеродной для литературной терминологии. При таких обстоятельствах очень легко смешать диалектный термин с термином, входящим в специальную лексику общерусского характера. Единственное, что можно рассматривать как основание для проведения границы между указанными слоями лексики, это данные разного рода технических пособий и руководств, технических словарей, а в некоторых случаях и широкое употребление слова в художественной и иной литературе общего характера. Например, слово **насадка**. Это слово в некоторых своих значениях имеет несомненно локальное распространение — «кадка, бочонок для пива или вина»; «забор, закол из жердей поперек реки для ловли рыбы; железная лопата», по нашим данным, в специальной и общей литературе в указанных значениях оно не представлено. Наряду с этими значениями слово **насадка**, имеет и другие, которые или вышли из рамок диалектного употребления, или никогда не были диалектными. Сравним, «диалектные» показания: **насадка** — «толстое бревно, которое насаживается на сваи при постройке моста»; **насадки** — «деревянные рельсы для спуска бревен с берега в воду на реке Кубани» и др. Совершенно очевидно, что в этих технических значениях слово **насадка** входит в состав общерусской специальной лексики.

Место специального (как и любого другого) слова в словарном составе определяется его отношением к общерусской лексике. Если слово входит в состав той или иной разновидности литературной лексики, то наличие или отсутствие у него изоглоссы в сфере диалектной речи является для нас второстепенным признаком, интересным в генетическом смысле, но не в плане установления положения слова в современной языковой системе. Конечно, наличие термина в каком-либо техническом пособии не всегда может свидетельствовать о его принадлежности к специальной литературной

лексики, так как в такое пособие при определенных условиях может легко попасть и диалектное слово. Однако употребление термина не в одном, а во многих пособиях должно свидетельствовать о том, что он вошел в словарный состав литературного языка. Подобным образом решается вопрос и о так называемых «этнографизмах». Как известно, явления старого быта имеют весьма богатую и разнообразную терминологию. Этнограф обычно описывает все относящееся к характеристике уклада жизни, независимо от того, имеет ли соответствующее обозначение общерусское или диалектное распространение. Так же поступает и лингвист, когда он ставит перед собой задачу изучить какие-либо тематические группы слов. Естественно, что никакие ограничения не ставятся для этнографических, как и специально-терминологических (местных ремесел и промыслов), словарей. Такие «этнографизмы», как **понёва**, **сени**, **клеть** и т. п., имеющие общерусское употребление, не являются диалектными словами и в диалектологический словарь включаться не должны. Конечно, если выяснится, что указанные выше и подобные им слова в каком-либо говоре имеют значения, не совпадающие со значениями литературного языка, т. е. что эти слова являются семантическими диалектизмами, то отношение к ним должно быть иным. Например, в одном из южновеликорусских говоров слово **сарафан** употребляется не в общепринятом значении, а в значении «юбка». Среди «этнографизмов» имеется и множество диалектных слов, не входящих в состав литературного языка **точа** «холст», **кумоха** «лихорадка», **пуня**, **пунька** «небольшая пристройка для разных надобностей» и т. Особо следует рассмотреть пласт архаической лексики. С позиций современной системы языка архаическую лексику можно разделить на два основных разряда: 1) слова, вовсе вышедшие из употребления в современном литературном языке, но сохранившиеся в говорах, 2) слова, которые теперь не употребляются повседневно в устной литературной речи или в нейтральном литературном тексте, но сохраняются в литературном языке для стилистических целей или в качестве специальных

терминов. Вопрос о первом разряде слов ясен: такие слова, как **волна** «**овечья шерсть**», **орать** «**пахать землю**», **имать** «**захватывать, схватывать**» и пр., когда-то бывшие общерусскими (и даже общеславянскими), стали «рядовыми» диалектизмами. Сложнее обстоит дело со вторым разрядом слов. На первый взгляд слова, имеющие в говорах изогlossы, но сохраняющиеся в литературном языке как архаизмы, являются словами литературными, а не диалектными. Например, слова **ладья (лодья)** '**судно**', **перст** '**палец**' — стилистические архаизмы в современном литературном языке, а слова **выть** с его производными (в административных значениях), **ендова** «**сосуд**», **насад** «**судно**» — специальные термины, употребляющиеся в исторических исследованиях (а также в художественных произведениях для изображения исторического колорита эпохи).

Существенным вопросом является определение границы между диалектными словами и индивидуальным словотворчеством. Процесс словотворчества происходил и происходит у всех слоев населения, в том числе и у носителей говоров. Русский язык богат словообразовательными моделями, по которым легко образуются новые слова. Однако не всякое новообразование получает широкое распространение, не всякое новообразование является устойчивым. Известно, что очень много окказиональных слов имеется в словаре В. И. Даля, сравним: **насадковый**, **насадочный** «относящийся к насаду», **насадчивый** «такой человек, который сажает много народа», **насадистый** овин «просторный», **насадчик**, **насадчица** «кто насаживает» т. д. без ссылок на какую-либо местность или источник. Эти слова встречаются лишь в словаре Даля (их нет ни в предшествующих или последующих словарях, ни в диалектных записях, ни в художественных произведениях, ни в каких-либо других источниках), и можно полагать, что они созданы самим В.И. Далем по существующим в русском языке словообразовательным моделям. Конечно, существование подобного рода слов возможно. Какое-нибудь **квадратить** «делить площадь

на квадраты», имеющееся только в словаре В.И. Даля, при подходящей ситуации может образовать каждый говорящий на русском языке для разового употребления, но это образование не будет устойчивым явлением языка.

Во многих диалектологических записях мы встречаемся с подобного рода окказиональными словами, которые, не употребляясь в литературном языке, производят впечатление диалектизмов. Однако эти слова не являются диалектными, поскольку не имеют широкого распространения и устойчивого употребления в говорах, а иногда и вовсе неизвестны говорам. Совершенно очевидно, что любое окказиональное слово, в какой бы среде оно ни было создано, не может считаться ни общенациональным, ни диалектным. Оно всегда индивидуально, если не приобрело устойчивости в употреблении. Некоторые языковеды ошибочно относят подобного рода слова к разряду диалектизмов лишь на том основании, что эти слова употребляются не всюду, а только в определенных местностях. Однако указанные слова существенно отличаются от диалектизмов целым рядом признаков:

- 1) изоглоссы этих слов образовались не в результате закономерного развития какого-либо говора или группы говоров, а возникли случайно, вне всякой зависимости от истории диалектов, диалектной речи;
- 2) обычно такие слова неустойчивы, быстро выходят из употребления, даже из речи тех слоев населения, где они возникли;
- 3) будучи в своей основе окказиональными, такого рода слова, исчезая в одной местности, могут при подходящей ситуации появиться в другой, причем каждый случай их возникновения не зависит от других подобных же случаев. Исходным материалом для этих неустойчивых и независимых от диалектных границ слов может быть как литературное, так и диалектное слово. Диалектное слово, в отличие от указанного выше разряда лексики, неразрывными нитями связано с историей говора или группы говоров, с закономерностями образования исторически сложившихся изоглосс и их зон.

Важным показателем является и тематика значений слов. К разряду мнимых диалектизмов принадлежат также всякого рода искажения иностранных слов, оказавшиеся в речи носителей говоров за последние десятилетия: **фершал** «фельдшер», **полуклиника** «поликлиника», **гамазин** «магазин», **ководрат** «квадрат», **квасоль** «фасоль», **порфиль** «портфель» и многие другие им подобные. Эти искажения не находятся ни в какой связи (исключая некоторые чисто фонетические закономерности) с конкретными говорами или группами говоров, не имеют изоглосс, их возникновение обусловлено недостаточной образованностью определенных слоев населения, которая не зависит от территориального признака. Естественно, что искаженные слова (сами по себе представляющие известный лингвистический интерес, но не в плане диалектологии) не должны включаться в диалектологический словарь. Это слова внелитературного просторечия.

Необходимо установить признаки, отличающие собственно диалектное слово от диалектного фонетического или грамматического явления? Это общелингвистическая проблема, связанная с определением отдельного слова. Как известно, о том, что такое слово, каковы его границы, высказано огромное количество самых различных мнений.. Важно заметить, что, несмотря на существующий разнобой в теоретических суждениях о слове лексикографы в подавляющем большинстве одинаково «отделяют» слово от других языковых единиц. Совершенно очевидно, что объектом любого толкового словаря является слово, а не фонетическая или грамматическая особенность языка или говора.

Диалектные слова можно разделить на два основных типа:

а) слова, отличающиеся от общерусских слов своим морфологическим и фонетическим составом, иначе, своим материальным оформлением; эти слова условно можно назвать лексическими диалектизмами; б) слова,

отличающиеся от соответствующих общерусских слов своими значениями; такие слова условно можно назвать семантическими диалектизмами.

Лексические диалектизмы. Этот тип диалектизмов представлен несколькими разновидностями.

1. Слова, корни которых отсутствуют в литературном языке. Эти слова по своему происхождению могут быть различными: древними исконно славянскими словами, заимствованиями разных эпох, словами с неясной этимологией и т. п. Сравним, **лони** «в прошлом году», **кволий** «слабый, больной», **вёдро** «ясная погода», **калики** «брюква» и т. д. Эти слова могут иметь противопоставленные соответствия в литературном языке (диалектное **орать** — литературное **пахать**, **кочет** — **петух** и пр.), а также могут их не иметь.

2. Образования от корней, представленных в словарном составе литературного языка, причем слова в говорах имеют свои особые значения: **назём**, **позём** «навоз», **арханг. сузём** «большой массив заболоченного леса», **зобня** «корзина», **насад** «старинное судно», **роститься** «собираться **снести яйцо**» (о курице)' и т. п. Отношение этих слов к лексике литературного языка в принципе такое же, что и слов, указанных в первой группе: они также могут иметь или не иметь соответствий в литературном языке. Вопрос о включении подобного рода слов в диалектологический словарь ясен. Все производные (неокказиональные) образования от этих слов (**дежа** — **дежка**, **дежонка**, **баса** - **красота**, **красивость** и пр. — **баской**, **басенький**; **насад** — **насадик**, **насадничек** и т. д.) также являются несомненным объектом словаря. В словаре дается соответствующая характеристика этого разряда лексики с приведением различных словарных вариантов (различия в аффиксальном оформлении по отдельным говорам, в формах рода, числа, падежа, в ударении и т. п. — во всем, что обычно отмечается в толковых словарях, если для этого в наших источниках имеются нужные сведения).

3. Слова с теми же корнями и значениями, что и в литературном языке, но в ином аффиксальном оформлении: **черница, чернига «черника»; загородь, загорода, загородка, изгородина «изгородь»; насдогнать «догнать»; насвирать «наврать»; насеv «посев, засев»** и т. д. Как известно, аффиксы могут выполнять двоякую роль: как средство образования нового слова и как средство выражения грамматического значения. В глаголе **насбирывать** суффикс **-ыва-** выражает грамматическую категорию — несовершенный вид. В то же время этот глагол не имеет соответствия в литературном языке в виде иной формы несовершенного вида с тем же префиксом. По значению он очень близок к литературному **собирать**. Соотношение **насбирывать — собирать** выходит за рамки грамматических соответствий, является фактом лексики. Наличие в вариантах слова **коромысло — коромысь — коромысел** различного суффиксального оформления распределяет эти варианты по разным типам склонения.

Однако принадлежность слова к тому или иному типу склонения — сам по себе факт грамматический, а не лексический. Диалектные грамматические отличия как таковые не могут служить признаком, по которому слово должно помещаться в диалектологическом словаре. В ряду **коромысло — коромысь — коромысел** нас интересуют различные суффиксальные показатели, изменяющие состав основы слова. И если в слове **коромысь** нет «видимого» суффикса, то в его противопоставлении словам **коромысло, коромысел** суффиксальное различие налицо. Это хотя и близкородственные, но самостоятельные слова, поскольку состав их основы неодинаков. Все, что получает выражение через флексию и соотношение флективных показателей, относится к области грамматики и не составляет особого слова — среднего рода падежа множественного числа **пуд вместо пудов, вербей — верб** и т. п. Сюда же относятся расхождения в показателях инфинитива: **берекчи — беречь, несть — нести, иттить — идти** и пр., а также различного рода колебания между типами спряжения: **пахает —**

вместо **пашет, ревит** вместо **ревёт, мижу в.м. мигаю** и т. д., производные формы типа **вставаю** вместо **встаю**(от **вставать**). Все эти явления представляют собой объект грамматических, а не лексических исследований.

4. Слова с теми же корнями, аффиксами и значениями, что и в литературном языке, но с фонематическими различиями, не составляющими фонетических и морфологических закономерностей, т. е. не являющихся элементами фонетических и морфологических систем языка. Когда различия в фонематическом составе слова имеют “индивидуальный” характер, они начинают играть роль лексических признаков, становятся структурными элементами слова как лексического явления.

Сравним, **иржа — ржа, омшанник — мшанник, комарь — комар, снагырь — снегырь** и т. п. Причины образования фонематических вариантов могут быть самыми различными, вплоть до действия так называемой “народной этимологии”, но это вопрос особого порядка. Все различия, связанные с существующими в говорах закономерностями, относятся к области фонетики, а не лексики: **вода — вада, няси. — неси, порох (порог) — порок** и т. д. и в словаре не принимаются во внимание. Особо стоит вопрос о диалектных отличиях в ударении **туча — туча, дочка — дочка, морковь — морковь** и пр.

Семантические диалектизмы. Семантическими диалектизмами можно назвать слова, оформленные так же, как и соответствующие слова в литературном языке, но имеющие различия в лексических значениях: **погода «непогода, ненастье», руда «кровь», наседка «насест», мост «сени», пахать «подметать», виски «волосы», губы «грибы** и т. д. Разумеется, семантические диалектизмы подлежат включению в диалектологический словарь. В говорах имеется немало диалектных слов, звучащих так же, как и соответствующие слова в литературном языке, но расходящихся с ними в значениях, только частично. Эти слова также относятся к разряду семантических диалектизмов. С расхождениями в значениях слов (между

говорами и литературным языком и между самими говорами) тесно связан вопрос о семантических границах слова, о различии между полисемией и омонимией. В настоящее время не существует какой-либо общей точки зрения на этот счет, поскольку признаки, по которым можно было бы выделять объективно существующие омонимы остаются неясными. Очевидным является лишь одно: нельзя смешивать и считать за одно слово омонимы гетерогенные (слова одинакового звучания, но разного происхождения) и гомогенную омонимию. В зависимости от соотношения со словами литературного языка в лексике говоров можно выделить несколько групп диалектных слов:

1. **Собственно лексические диалектизмы** – это диалектные слова, корни которых отсутствуют в литературном языке. Такие слова являются немотивированными и, как правило, нечленимыми: **алякаш** – «недопеченный хлеб, пирог», **бабура** – «гриб сморчок», **бут** – «лук», **жельманка** – «пескарь» и др.

2. **Лексико-словообразовательные диалектизмы** отличаются от слов литературного языка морфемным составом. Это слова, однокоренные со словами литературного языка, имеющие то же лексическое значение, что и в литературном языке, но различающиеся аффиксами: **солومیстый** – **соломенный**, **солкий** – **соленый**, **расхотеться** – **захотеть**, **распостоянно** – **постоянно**, **разговористый** – **разговорчивый** и т.п.

К группе лексико-словообразовательных диалектизмов относятся также сложные слова. Это могут быть диалектизмы, обе части которых известны литературному языку, но не образующие нового слова, например: **краснодёр** – «кушанье с добавлением свеклы», **староземельный** – «хитрый, дальновидный» и др. Кроме того, встречаются диалектизмы, одна часть которых известна литературному языку, а вторая нет, является диалектной: **белокуприк** – «птица» и др.

3. **Лексико-фонетические диалектизмы** совпадают по значению со словами литературного языка, но отличаются фонетическим обликом. Это объясняется существующими в говорах фонетическими особенностями: изменения фонетической структуры слова может происходить в результате утраты, выпадения звуков (**гарот, гурец, киян**), прибавления звуков (**аржаной, страм, ндравится, самородина** и др.), мены звуков (**гумага, йенерал**) в конкретных словах. При этом фонетические изменения можно наблюдать в начале слова, середине и в конце (**ильдина, гарод, пьшено, полын, комарь** и др.).

4. **Лексико-семантические диалектизмы** совпадают по звуковой форме с соответствующими словами литературного языка, но отличаются лексическим значением: **жаворонок** – «хлебец в виде птицы», **рогатый** – «ветвистый (о дереве)», **пахать** – «подметать пол», **орать** – «пахать».

5. **Этнографизмы** как особая группа диалектной лексики, отражающая особенности хозяйственной жизни и быта населения той или иной местности: **зубок** – «небольшой хлебец, напоминающий по форме зуб, его пекут сразу после рождения ребенка».

Системные отношения в лексике говоров. В лексике говоров, как и в литературном языке, проявляются разного рода системные отношения. В ней отражается все многообразие семантических связей слов: имеются однозначные и многозначные слова, омонимы, синонимы, антонимы, богатая фразеология, есть слова активного и пассивного состава. **Полисемия**, основания для появления производных (прямых и переносных) значений. В говорах, как и в литературном языке, имеются однозначные и многозначные слова. Производные значения появляются в результате переноса наименования с одного предмета на другой: 1) на основе сходства признаков – метафора (рукав – 1 . «дымоходная труба»; 2. «конусообразная сеть для ловли рыбы»; 2) при переносе названия с целого на часть или с части на целое (синекдоха): ивша, ившень, ившеня — 1. «плодовое дерево вишня», а

во 2 значении «плоды вишневого дерева»; зерно, зёрнышко, почёлошник — 1. «растение подсолнечник» и 2. «семена подсолнечника»; 3) на основе смежности (временной, пространственной и др., метонимия): порядок — 1. «ряд домов с одной стороны улицы» и 2. «аллея»; просянице — 1. поле, где сжато просо и 2. «остатки стеблей проса на этом поле»; 4) на основе общей функции: плита — 1. железный лист с загнутыми краями, противень' и 2. 'форма для выпечки хлеба'.

Многие диалектизмы обладают большой семантической емкостью, развивая прямые и переносные производные значения. Изменения семантики диалектных слов происходит под влиянием литературного языка или соседних говоров: могут появляться новые, вторичные значения и оттенки значения у слов.

Омонимия в говорах. В говорах наблюдается также явление омонимии — семантические отношения между несвязанными, немотивированными значениями, выраженными одной звуковой формой. Причины возникновения омонимов: 1) совпадение в одной звуковой форме слов разного происхождения (гетерогенные омонимы), например: литературное слово и диалектное: рак (лит.) — «пресноводное или морское членистоногое». В русских говорах Мордовии имеются омонимы: 1 рак — «хлебное изделие в форме рака» и 2 рак — «черный таракан», заимствованное слово и диалектное: 1 морда — «часть головы животного» и 2 морда — «приспособление для рыбной ловли» заимствовано из финского языка; разномордиальные слова, имеющие разную производящую основу: любак — «любимый человек» (Калужское) и любак — «любой» (Владимирская, Тульская области); 2) распад многозначного слова на омонимы (гомогенные омонимы): 1 бабка — «бабушка, старушка»; 2 бабка — «укладка снопов»; 3 бабка — «наковальня для отбивания кос». Проблема разграничения полисемии и омонимии в говорах. Немалые трудности возникают при разграничении диалектной омонимии и

полисемии. Это связано с тем, что, во-первых, у многих диалектизмов неясной является этимология, что затрудняет определение тождества слова; во-вторых, изменение фонетического облика слова может привести к случайному совпадению с другими лексическими единицами, например: **богатый** – «с большим достатком» и «бодливый», т.е. фонетическое преобразование слова рогатый.

Синонимия в говорах. В лексике диалекта широко развита синонимия. Являясь одним из средств системной организации лексики говора, диалектные синонимы выполняют те же функции, что и синонимы в литературном языке: идеографическую, связанную с дифференциацией оттенков одного и того же значения; эмоционально-экспрессивную. Проблема диалектной синонимии во многом является спорной, окончательно не решенной. В научной литературе отсутствует единое определение диалектного синонима, четкое разграничение синонимов и вариантов слов. Это объясняется нечеткими территориальными границами говоров. Так, одни ученые диалектными синонимами считают слова одной грамматической категории, близкие или тождественные по значению, распространенные в одном или в разных говорах, другие – только в пределах одного говора.

Абсолютные и относительные синонимы. В говорах, как и в литературном языке, употребляются абсолютные синонимы (полные, дублиеты) – синонимы, не имеющие ни семантических, ни стилистических отличий (разлой, раздополье – «половодье»; загибни, пресняк – «пирог из пресного теста» и т.п.), и относительные (идеографические) синонимы – имеющие отличия в значении (вертлени – «излишне подвижный, вертлявый» и закамелистый – «подвижный, непосредственный», красный – «очень хороший, добротный» и коренной – «очень хороший, превосходный»). Причины существования большого числа синонимов-дублиетов в говорах объясняется внутренним развитием говора (один и тот же предмет может быть назван по разным признакам: по материалу, из которого

он изготовлен, по форме, по назначению, по цвету и т.п.), взаимодействием соседних говоров, влиянием на них литературного языка. Столкновение разнодиалектных синонимов приводит к вытеснению одного из них или к дальнейшему сосуществованию в говорах, при этом они могут отличаться широтой употребления, эмоционально-экспрессивной окраской, оттенками значения.

Антонимы в говоре В русских говорах представлена и антонимия – семантические отношения между словами, противоположными по значению: **бель - смоль, вёдро - непогодь** и др. С синонимией ее сближает то, что антонимические противопоставления выстраиваются в соотносительные синонимические ряды. В диалектах это прослеживается столь же хорошо, как и в литературном языке, например, в говоре деревни Акчим такие синонимические ряды антонимов образуют наречия со значением «**много**» и «**мало**». К наречию **много** относятся его синонимы **дивно - людно – грудно - полно**; к наречию **мало** – синонимы **немного – немножко – маленько – маленечко**. В значении этих слов и в отношении между ними в каждом ряде существуют отличия: слово **дивно** относится к предметам, **людно** – к людям, **грудно** означает «много и близко друг к другу» употребляется по отношению к предметам и животным; **полно** употребляется в значении «**много**» относится преимущественно к предметам, наречия со значением «**мало**» выражает главным образом разную степень небольшого количества.

Контрольные вопросы:

1. Что такое диалектное слово, каковы его отличия от других слов, входящих в лексический состав языка?
2. На какие разряда можно разделить архаическую лексику?
3. Какие типы переносных значений слов представлены в русских говорах?
4. Какими типами представлены синонимы в русских говорах?
5. Какими типами представлены синонимы в русских говорах?
6. Какими типами представлены антонимы в русских говорах?

7. Какими типами представлены омонимы в русских говорах?
8. Каковы особенности диалектной фразеологии?

Использованная литература:

1. Львова И.С., Бабаева З.С., Латипов О.Ж. История русского языка и диалектология (ч.1) Ташкент, 2013. Стр.112
2. Садыкова Р.Х. Русская диалектология. Ташкент, 2003
- 3 Электронные ресурсы